

БИРЖЕВЫЯ ВЪ ДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

подоставкомъ въ С.-Петербургѣ и съ
друз. въ Россіи, два раза въ недѣлю:

— УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —

на годъ . . 10 руб. — коп.

» 6 мѣс. . . 5 » — »

» 3 » . . 2 » 50 »

» 1 » . . — » 85 »

ОБЪЯВЛЕНІЯ РУССКІЯ:

За кѣсто, заглавное строкою
поппаройль:

впередъ текста 60 к., повахъ текста 20 к.
за цифровою и табличнымъ наборъ 30 к.

ЗАГРАНИЧНЫЙ: за строку поппаройль
впередъ текста . . . 1,80 герн. марк.
послахъ текста . . . 0,60 . . .

Перемѣна адреса 15 коп.

ТЕЛЕФОНЫ:

Редакція—№ 5698.
Редакторъ-Издатель—№ 1848.
Главная Контора и Типографія—№ 662

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ ДЕНЬ,

УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

СПБ., Мѣщанская улица, особ. домъ, № 25.

Отдѣленія Конторы для городскихъ подписчиковъ: 1) Невскій пр., к. № 48
(у Анж. моста), при книжн. магазинѣ М. В. Попова; 2) Васильевскій Островъ, 9 лн. к.,
к. № 4, при книжн. магазинѣ Н. Д. Типографіи; 3) Выборгская стор., Нижегородская
л., при книжн. магаз. „Практическая Медицина“; 4) Петерб. стор., Валахъ пр.,
к. № 2, при Петербургскомъ Учебномъ Магазины.

Статьи, рисунки и фотографіи, доставляемые для помѣщенія въ газетѣ, безъ
опредѣленія условій, оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны
быть непременно за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего печатаніе не
будетъ. Обратное возвращеніе рукописей для Редакціи не обязательно.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 3 КОП.

№ 336. Суббота, 3-го (16-го) іюля 1904 г.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

А. П. Чеховъ.

Какая потрясающая вѣсть, какое огромное несчастіе! Умеръ Чеховъ. Закатилась великолѣпная звѣзда нашего неба,—яркая, прекрасная, лившая мягкій, трепетно задумчивый свѣтъ на родныя поля, на русскую дѣйствительность, на русскую душу, вызывавшая неясную, красивую тоску по какимъ то далекимъ, неосуществимымъ на землѣ идеаламъ, тихія мечты о лучшемъ будущемъ, о „лучшихъ людяхъ“—всегда, поэтическія, всегда печальныя, какъ печальна была и сама жизнь этого безвременно умершаго человѣка, увидѣвшаго призракъ смерти чуть ли не въ ту самую минуту, когда ему ясно и недвусмысленно улыбнулась слава...

Сейчасъ медленно расходятся волны печальнаго извѣстія. Съ наступленіемъ дня фатальная новость облетитъ всѣ углы Россіи, облечетъ ее въ трауръ, и она вздохнетъ глубокимъ вздохомъ. Это не риторическое украшеніе. Бываютъ нѣкоторыя утраты, говоря о которыхъ можно не бояться упрека въ риторикѣ. Дѣйствительно, вздохнетъ все, что есть лучшаго въ русскомъ обществѣ, что мысленно рвалось къ звѣздамъ, тосковало благородною тоской, любило красоту,—все, для чего Чеховъ былъ какимъ-то прекраснымъ поэтическимъ символомъ ищущей мысли, порыва въ высь отъ земной пошлости, неутолимой русской печали, навѣянной просторомъ необъятныхъ русскихъ степей. Для такихъ людей что то милое, близкое навсегда уходитъ съ Чеховымъ, тяжело и съ болью отрываясь отъ сердца. Мучительная вѣсть, слезная вѣсть! Какой печальный, какой несчастный годъ!

Объ всемъ напишутъ книги, десятки и сотни статей, — объ его молодомъ беззаботномъ смѣхѣ, объ его „чудесной печали“, сжѣвившей этотъ смѣхъ, — свойства, унаследованныхъ имъ отъ славнаго писателя и чрезъ славное преемство, — о томъ, какъ онъ отражалъ подлинную, неподкрашенную родную действительность, какъ глубоко понималъ скорбную, унылую, подавленную душу извѣстной части русской интеллигенціи 80-хъ и 90-хъ годовъ, какъ всюду онъ умѣлъ оставаться самимъ собою и вездѣ чувствовалъ себя настоящимъ и превосходнымъ мастеромъ, чего ни касался, какъ вѣрно нащупывалъ тѣ новыя русла, которыми должно направиться новое искусство... Все это будетъ, когда настанетъ время спокойныхъ и холодныхъ размышлений. Онъ не будетъ провозглашенъ великимъ, но останется большимъ и прекраснымъ, и такіе, какъ онъ, не нуждаются въ преувеличеніяхъ и несоответственныхъ сопоставленіяхъ. Но теперь замираютъ холодныя слова критики. Для нихъ нѣтъ и надлежащаго спокойствія. И не вни просятся на уста подъ впечатлѣніемъ овѣсти.

Небо надъ нимъ уже давно было пасмурно, и мы давно знали, что Чеховъ скоро умретъ. Съ тоской передавались отъ одного другому свѣдѣнія о завоеваніяхъ его неизлѣчимаго недуга. Все безнадежнѣе и безнадежнѣе были частныя вѣсти. Все печальнѣе и печальнѣе становились его пѣсни. „Архіерей“..., „Невѣста“..., „Вишневый садъ“... Какой тоской вѣяло отъ этихъ страницъ! Но не хотѣлось вѣрить, что этоуже лебединыя пѣсни. Вдохновеніе всыхивало блѣднѣе, было уже больше искусства, мастерства, ума и труда, чѣмъ вдохновенія. Но чувствовалась еще огромная, неисчерпанная сила, и было что-то неправдоподобное въ мысли о томъ, что близокъ его конецъ. Въ газетахъ мелькали обнадеживающія извѣстія. Но ихъ учащенность внушала только лишнюю тревогу. А кто видѣлъ Чехова, говорилъ, что онъ такъ плохъ, какъ никогда. Появился въ газетѣ снимокъ съ послѣдняго его портрета, сдѣланнаго гостившимъ у него въ Ялтѣ художникомъ. Мучительно было смотрѣть на это новое, незнакомое лицо, въ которомъ почти нельзя было угадать прежняго Чехова, прежняго веселаго Чехонте. Какіе скорбные, изстрадавшіеся, плачущіе глаза подстрѣленной лани! И было ясно, что уже не можетъ быть никакихъ иллюзій...

А жизнь какъ-то проницательно-успѣшно несла Чехову позднюю ужь, вѣроятно, ненужную дань преклоненія предъ его прекраснымъ талантомъ. Каждый день несъ сообщенія о новыхъ его переводахъ на чужіе языки, лестныя мнѣнія свѣтилъ иноземной критики, его книги разбрасывались десятками тысячъ по самымъ отдаленнымъ уголкамъ родины, представленія его пьесъ обращались въ триумфы, шумъ почтительныхъ восторговъ долеталъ въ его тихій ялтинскій уголокъ, подлѣ унылаго татарскаго кладбища... Было все — слава, обезпеченность, свое гнѣздо, и все это опоздало и было уже не нужно. Самъ врачъ, онъ переживалъ весь трагизмъ сознанія своего систематическаго разрушенія.

Чеховъ уходитъ отъ насъ въ этомъ поэтическомъ ореолѣ несчастнаго счастливца, которому завидовали все и который могъ завидовать послѣднему ялтинскому лаццарони, который будилъ смѣхъ и сѣялъ надежду на лучшее будущее, самъ оплакивая себя и не имѣя для себя никакой надежды. И онъ останется для насъ такимъ трагически — прекраснымъ образомъ, какіе рисуютъ въ романахъ и драмахъ и какіе не часто въ такой красочной яркости даетъ жизнь, — живымъ парадоксомъ судьбы, призывающимъ и теперь, послѣ грустно разыгранной жизни, къ свѣтлой вѣрѣ въ лучшіе дни. „Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ, будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба. Будемъ трудиться для другихъ, а когда наступитъ нашъ часъ — покорно умремъ, и тамъ за гробомъ скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалятся надъ нами, и мы увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, взыщную, мы обрадуемся и на теперешнія несчастія оглянемся съ удивленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ“...

Вѣчный отдыхъ и вѣчная память Антону Чехову!..

А. Измайловъ.